

Светлана Воскресенская: балет — налаженная система с налаженными идеалами.

Селовник. — 1993. — 23 июля. — с. 18.

Светлана Воскресенская — художественный руководитель и главный балетмейстер театра «Русский балет. XXI век». Хореограф и режиссер балетов «Антоний и Клеопатра» (музыкальный театр им. Станиславского), «Размышления на тему Гамлета», «Новогодний детектив, или Сон танцовщика» (ТВ), «Саломея» («Русский балет. XXI век»).

Ксения Маршанская

Т

алант — это счастье или трагедия, как вы думаете?
— Трагедия. И чем больше талант, тем больше внутренних страданий, хотя внешне все кажется замечательным и удачным.
— Вы об этом всегда знали?
— Нет. Это с годами приходит.
— А с годами мы лучше или хуже делаемся?
— С годами приобретается так называемая мудрость.
— Приобретение — ценное?
— Во всяком случае, получаешь возможность смотреть на мир более широко и объемно, что ли. Становишься к нему более снисходительной.
— Или усталой?
— Это не усталость. Хотя бывают момен-

ты усталости, безусловно. Можно десять лет бежать, не останавливаясь?
— В чем, по-вашему, трагедия Гамлета?
— В том, что он максималист. По версии моего балета. Или вас интересует Шекспир?
— А вас Шекспир не интересует?
— Канонический образ Гамлета — голубого героя — мне совершенно не интересен. Интересно его сегодняшняя интерпретация. Гамлет очень хотел, чтобы его услышали. Его жизнь — энергия с напряжением 220. Он проживает свою карму и уходит в небывтие.
— И в его максимализме никто не нуждается?
— Ну, вы знаете, что это за человек — максималист? Это же высшая форма эгоизма. С таким человеком безумно тяжело. А ему самому как тяжело! — вообще беда. Он же занимается самосожжением.
— Как вы понимаете компромисс?
— Компромисс с совестью для меня вообще понятие несуществующее, потому что совесть — либо есть, либо ее нет. В работе... это желание найти наименее болезненный выход из определенной ситуации. Для меня понятие позитивное.
— По транскрипции вашего спектакля, Саломея убивает Иоанна, Иоанн отказывается от Саломеи. Кто из них сильнее?
— Да нет там никого сильных. Все разные и все одинаковые. И Ирод такой же. Недаром все трое тянутся друг к другу. Как самые большие злодеи тянулись к святым и потом убивали их. И вообще, что такое сильный человек? Сильная ли я женщина? В чем-то сильная, в чем-то совсем тряпка. Другое дело,

Идеалы — стандартные

что кто-то от себя самого это скрывает. Я думаю, в каждом человеке сочетание духа, власти и плоти практически одинаковое. Вопрос в том, как ты для себя эту мозаику выстроишь. Иоанн не отказался от Саломеи. Он умер в ней, не касаясь ее. И она убила его, не убив. Что произошло в спектакле? Ситуация безумия, в которой никто ничего никогда не изменит — и так нельзя, и по-другому невозможно.
— А любовь или страсть привела Саломею к убийству?
— Страсть, наверное, по логике. Что такое страсть? Надрыв, эмоциональный выплеск. Чувство приятное в разных его проявлениях, но не на долгое время. В страсти нет опоры, а любовь всегда созидание. Вообще со смертью много чего граничит.
— Вы у мужчин-балетмейстеров вызываете раздражение тем, что делаете на сцене?
— Когда-то у меня был разговор с Димой Брянцевым. Я только что поставила свой первый балет «Антоний и Клеопатра» в Театре им. Станиславского. Дима сказал: «Света, ты талантлива, но ты — женщина, а балетмейстерство — не женская профессия». Тогда я с

ЕЛЕНА СИДЯКИНА

ним не согласилась. Теперь согласна. Балетмейстер прежде всего руководит людьми. Только теперь Дима признал, что я балетмейстер.
— Что вас интересует в актере?
— Лично я всегда должна видеть в актере единомышленника. Тогда можно по 24 часа в сутки работать. Если между нами взаимопонимания нет, я прерываю работу. Я ставлю конкретно на человека — это мой принцип. Я не придумываю ничего дома. Я только знаю, про что хочу ставить. Для меня очень важна атмосфера на репетиции. Я не взяла в театр актеров, которые, может, и нужны, но я знала, что будет привнесено то, от чего я бежала из другого театра — интриги, скандалы и т. д.
— Как вы считаете, балетные артисты эмоционально раскрепощены?
— Считанные единицы обращают внимание на образ. В балете считается главным — лицом сыграть. Это же невероятно трудно — внутренне растереть, сломать, вырваться из себя. Не каждый пойдет на эту пытку. Ба-

лет в общепринятом понимании этого слова — налаженная система с налаженными идеалами. Идеалы — стандартные.
— А с чего начинается стандарт?
— С желания не высовываться, жить спокойно. Потому что нестандарт — штука тяжелая: сначала нужно сильно подумать, потом также сильно пренебречь мнением остальных, и в результате остаться один на один с собой. Сейчас уже все немножко уюмонились, а раньше... Был момент, когда я с трудом удержалась, чтобы не бросить балетмейстерство. Потому что, когда бьют профессионалы — можно стерпеть. Когда же непрофессионалы? Я почти год не могла работать. Я знаю одно. Если ты сознательно идешь на нестандарт, у тебя должна быть вера, что тебе поймут, что ты прав. Тогда можно горы свернуть.
— Что происходит, по-вашему, с западным балетом?
— Я не так хорошо знаю западный балет. Вообще, мне кажется, балетная эпоха нашего века отыграна. На сегодняшний день мы имеем классику в лице русской школы и психофизическое погружение в человека, начатое Михаилом Фокиным и досконально разработанное Западом. Я предполагаю, что наш балет сможет соединить психофизику с русской школой и добиться сильного эмоционального эффекта. Этого в балете еще никто не делал. Если это случится, мне кажется, именно с России в балете начнется новый ренессанс.
— Что вы не примете в балете, помимо стандарта?
— Беспринципность и отсутствие автори-

тетов. Талантливый человек не может быть беспринципным. Я работала с великими людьми и говорю об этом со всей уверенностью. Потому что чем выше человек, тем он обнаженнее и проще. Не понимаю, как можно внаглую сдирать с кассет номер за номером, выдавая их за свои. До такой степени считать всех идиотами? В итоге-то все равно ничего не получается, потому что разработать можно только свой прием.
— Вас интересует чужое мнение о ваших спектаклях?
— Мне нужно, чтобы актер, с которым я работаю, понимал меня, а после спектакля нашлось хотя бы несколько людей, уважаемых мною, которые бы оценили мою идею. В принципе я сознательно иду на то, что многие меня не поймут.
— А вы верите в то, что вам говорят?
— Раньше от каждой премьеры я испытывала нечеловеческую радость. Теперь все воспринимается очень спокойно, очень конструктивно. Закалилась.
— Что вы подразумеваете под исходным действием в спектакле?
— В балете переосмысливать сюжет не имеет смысла. Для этого можно книжку прочитать, все равно лучше автора никто не напишет. Мне интересна режиссерская транскрипция сюжета.
— Кто из балетмейстеров вам интересен сегодня?
— Вообще из всех хореографов мне больше всего нравится Леонид Якобсон. Для меня он в балете — единственный авторитет.